

Метель была такой плотной, что перехватывало дыхание. Хлопья снега, пропитанные ледяной духовной энергией, казалось, стремились похоронить под собой всё живое.

В вихре снежной бури слышался её испуганный крик, и на помощь тут же бросились обитатели клана Снежных духов, принявшие человеческий облик.

Юноша, обретший людской вид, сиял в отблесках снега: его ясные глаза и белоснежная улыбка согревали не хуже солнца. Такой искренней улыбки она не видела больше никогда в последующие десятилетия.

Снежные духи по своей природе были добрыми, они оберегали каждого путника, сбившегося с пути в этой ледяной пустыне.

Так продолжалось до того дня, пока её не оглушили и не притащили в их селение.

Вокруг лежали тела других заклинателей — лишь обрубки конечностей, ставшие удобрением для ярко-красных деревьев Снежных духов. Она сама должна была стать лишь гниющим куском мяса.

Солнце над головой вмиг померкло, сменившись пронизывающим холодом.

Она была настолько слабой, что не представляла угрозы — никто не стал бы остерегаться семилетнего ребенка, который даже не успел начать путь самосовершенствования. Её посчитали слишком тощей даже для удобрения.

Она, рыдая, трясла за плечи лежавших на земле заклинателей, вызывая лишь издевательский хохот демонов вдали.

Пытаясь выжить, она схватила валявшийся рядом тонкий меч. В тот критический миг отчаяния ей удалось совершить невозможное — она впервые направила Ци в своё тело.

Но ей было не до того. Благодарность, переполнявшая сердце, обернулась жгучей ненавистью. Снежные духи использовали столь чудовищный способ для обретения облика, а она, глупая, верила им. Слепленная гневом и горем, она не заметила, что тот самый юноша из клана Снежных духов заперт в темнице позади неё.

Заклинатели, пришедшие в себя, были потрясены увиденным и схватились за оружие. Вдали бушевали демоны, воздух наполнился криками и воплями.

Перед глазами стояло ослепительно алое — единственный яркий цвет в этом белоснежном мире и единственное тепло в ледяном аду.

Клинок, омытый кровью, оставлял на снегу кровавые цветы.

Позади слышался свист рассекаемого воздуха.

Она резко развернулась и пронзила нападавшего. Теплая кровь брызнула ей на лицо. Знакомая улыбка исказилась, став болезненно-прекрасной, и единственное, что она успела увидеть — это слезы, катящиеся из тех самых добрых глаз.

— Вы убили не того человека.

Гу Цинбай застыла, меч выпал из ослабевших пальцев. Шум вокруг стих, словно кто-то нажал кнопку тишины. Юноша падал на землю, будто в замедленной съемке, и его полное муки лицо

навсегда отпечаталось в её памяти. Алая кровь дотекла до её ног, и это тепло навсегда впиталось в её сны и в её сердце.

Гу Цинбай резко проснулась, почувствовав на лбу чью-то руку.

— Сестрица, — невинно проговорили черные, как смоль, глаза, — тебе приснился кошмар?

Гу Цинбай смахнула руку, теплую, как кровь, и, нахмурившись, села.

— Почему я сплю здесь?

Она никогда не спала по ночам, предпочитая медитации, и уж тем более не могла проспать до утра.

Ли Були ответил с невинным видом:

— Сестрица уснула, и я помог тебе лечь в кровать. — Он притворно добавил: — Можешь не волноваться, я ничего не сделал.

Гу Цинбай, не отдохавшая десятилетиями, откинула одеяло и встала. Тревога в душе усилилась: Ли Були пришел из-за неё, но зачем?

Она так и не смогла забыть того юношу. Свой первый удар мечом она нанесла по собственному спасителю. Если бы не наставник, который забрал её оттуда, она давно бы сошла с ума.

Она часто вспоминала того парня. Наставник говорил, что никто, кроме неё, не выжил, а клан Снежных духов был полностью истреблен.

Десять лет спустя, став ученицей Секты Десяти тысяч мечей, она умоляла наставника брать её в странствия, надеясь, что где-то вновь разыграется метель, способная породить Снежных духов, чтобы этот добрый народ не исчез из мира навсегда.

Бесчисленное количество раз она думала: если бы тогда она проявила хоть каплю милосердия, возможно, у них остался бы шанс.

Гу Цинбай вышла из комнаты, погруженная в свои мысли, и увидела Чу Тяньцо. Та, лениво прислонившись к косяку, держала в руках целую жареную курицу.

Чу Тяньцо проигнорировала Гу Цинбай и направилась прямо к Ли Були.

— Малец, держи, угощаю.

Золотистая корочка курицы источала аромат, перед которым невозможно было устоять. Ли Були сглотнул слюну и украдкой взглянул на Чу Тяньцо, чьи намерения казались ему сомнительными.

— Ты сначала попробуй.

Чу Тяньцо усмехнулась, откусила кусок, прожевала и выплюнула кость, сверкнув белыми зубами.

— Эй, оставь половину! — Ли Були засуетился, как только она сделала первый укус.

Он думал, что после проверки на яд она отдаст остальное, и теперь жалел, что побрезговал сразу.

— Всё съедено, — злорадно улыбнулась Чу Тяньцо.

Она наклонилась к самому уху Ли Були:

— Малец, не думай, что ты так хорошо спрятался. Твой лисий хвост уже давно торчит наружу.

Ли Були невинно пожал плечами:

— Не понимаю, о чем ты.

— Дворец Яньло.

От этих слов, сказанных так, чтобы слышали только они двое, зрачки Ли Були сузились, но он тут же взял себя в руки.

— Сестрица шутит, я никогда не слышал о таком месте.

Ли Були произнес это громко и уверенно.

Гу Цинбай, уставшая от детских выходок Чу Тяньцо, отстранила её:

— Его спас наставник из Пещеры демонов Юаньдао. Если бы не подросли наставники и старшие, никто бы не выжил.

— Но от него веет демонической Ци, — не унималась Чу Тяньцо.

— Демоны хотели принести его в жертву. Наставник привез его на пик Лазурного Меча, чтобы очистить его от скверны.

На пике Лазурного Меча были установлены древние очищающие массивы, способные вернуть разум тем, кого подчинили демоны.

Чу Тяньцо всё равно чувствовала подвох и холодно бросила:

— Я буду следить за тобой. Если замечу хоть намек на злодейство — убью.

Гу Цинбай проводила взглядом спускающуюся с горы Чу Тяньцо и вздохнула:

— А-Чу...

Та холодно отрезала:

— Десятилетний срок истек, теперь я имею право покинуть пик.

Когда Бессмертный Почитаемый Миндэ привел её, она была проклята Сердечной техникой проклятия бога бедствий. Она то и дело впадала в безумие и нападала на всех вокруг, едва не убив одного из учеников секты. Учитывая, что это было не по её воле, её приговорили к десяти ударам плетью и запретили покидать пик Лазурного Меча на десять лет.

Она понимала, почему наставник не учил её серьезно искусству меча: он просто позволял ей махать клинком, не придавая значения технике.

Слова наставника Миндэ до сих пор звучали в ушах: «Маленькая Тянь, проклятие тела легко снять, но от проклятия духа не защититься. Никто, кроме тебя самой, не поможет тебе». Сначала Чу Тяньцо чувствовала вину, но со временем это переросло в безразличие.

Теперь, когда проклятие снято, а срок заточения вышел, она была свободна.

За эти десять лет она усердно тренировалась и ни разу не теряла контроль. Чу Тяньцо даже сомневалась, существовала ли на самом деле эта легендарная техника проклятия.

Помимо главного пика, где жил глава секты, Бессмертный владыка Даофа, в секте было пять пиков, принадлежащих пяти старейшинам, которые окружали центр, образуя пятиконечную звезду.

Вокруг главного пика располагались обширные тренировочные площадки.

Если через три месяца она успешно достигнет стадии Закладки Основания, то сможет принять участие в отборе личных учеников и стать полноправной ученицей Бессмертного Почитаемого Миндэ, а не оставаться отбросом, которого держат на пике из жалости.

Чу Тяньцо смотрела на тренировочные площадки у подножия, где сотни учеников упражнялись с мечами, и чувствовала легкое беспокойство.

На стадии тренировки Ци нельзя летать на мече, можно лишь укрепить тело. Шестой уровень тренировки Ци в масштабах всей секты был лишь средним результатом.

Если говорить о силе, то Гу Цинбай была непревзойденной.

В свои семнадцать лет она уже находилась на поздней стадии Закладки Основания. Её ум был ясен, а характер — столь же прям и суров, как у наставника. Её имя знала вся Секта Десяти тысяч мечей, а самые талантливые ученики стремились походить на неё.

На её фоне Чу Тяньцо, которая за десять лет так и не достигла Закладки Основания, выглядела настоящим посмешищем.

<http://bllate.org/book/18925/1851449>